

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Иншаков Илья Александрович

**СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ УТОПИИ
В ЗАПАДНОМ МАРКСИЗМЕ**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Капустин Борис Гурьевич

Москва – 2023

Постановка проблемы

Распад Советского Союза и, шире, Восточного блока, оказавшийся неожиданностью как для большинства западных левых, так и для политической теории в целом (Isaac, 1995), ознаменовал собой окончательное крушение радикального левого политического проекта: несмотря на противоречия между социалистическим лагерем и западными левыми, советский опыт оставался символическим олицетворением самой возможности альтернативы капитализму (Терборн, 2021: 80-81). В результате последнее десятилетие XX века прошло под знаменем либерального триумфа «конца истории» (Fukuyama, 1989) и, с другой стороны, «меланхолии левых» (Traverso, 2016). Несмотря на тактические политические успехи в первые два десятилетия XXI века (антиглобалистское движение, протесты Оссуры Wall Street, появление «пиратских партий», победа СИРИЗА в Греции и «Подemos» в Испании, протесты «желтых жилетов» во Франции), левым не удается достичь стратегических изменений в глобальном статус-кво и не удается надолго удержать политическую власть, по крайней мере, не перестав быть радикально левыми.

Тот факт, что разные практические стратегии, осуществляемые в разных социальных и экономических контекстах, приводят к схожим результатам, позволяет поставить вопрос о продолжающемся *концептуальном кризисе современных левых*, возникшем как следствие дезадаптации традиционных форм мысли и практик борьбы в отношении новейшей конфигурации капитализма на рубеже 1970-1980-х годов. Комментируя сложившееся к концу XX столетия положение дел, Фредерик Джеймисон однажды отметил, что *«конец света сегодня представить легче, чем конец капитализма»* (Jameson, 2003). Еще до этого Юрген Хабермас начал говорить об *исчерпании утопических энергий* в современном мышлении (Хабермас, 2005). Иными словами, современная ситуация левых оказывается определена кризисом

одного из центральных концептов левого политического мышления – концепта утопии.

Кризис этот состоит не в формальной академической непроясненности понятия, но в том, что утопия для левых в текущих условиях более не выполняет свою политическую функцию распознавания возможных альтернатив и организации вокруг них политического действия. Даже авторы, с оптимизмом констатирующие возможности для подъема левых на фоне кризиса глобального капитализма, вынуждены признать, что сам по себе этот кризис еще не облегчает поиск возможных альтернатив (Жижек, 2011: 13; Будрайтскис, Матвеев, 2018). Более того, императив «*There Is No Alternative*» и является сегодня основным легитимирующим нарративом сложившего политического и экономического порядка (Капустин, 2010: 137), который вовсе не настаивает на своей идеальности, но при этом заявляет себя в качестве единственной приемлемой формы из тех, что реально достижимы (Жижек, 1999). Таким образом, мы оказываемся в реальности «бессубъектной политики» (Капустин, 2009), «постполитики» (Mouffe, 2005) и «постдемократии» (Рансьер, 2006; Крауч, 2010), воспроизводящей саму себя, в том числе, за счет проблематизации возможностей утопического мышления.

Подобная проблематизация требует некоторых пояснений. Сказанное выше не означает, что утопия – единственный концепт, с которым у современных левых возникают проблемы; точно так же оно еще не объясняет, почему политическая теория должна быть заинтересована в разрешении проблем левой мысли. Однако именно кризисное положение дел в связи с этим концептом, на протяжении долгого времени «подпитывавшимся» теоретическими ресурсами левой традиции и находившим воплощение в ее практиках, имеет важное эвристическое значение для политической теории в целом. Если мы принимаем тезис о том, что критика существующего статус-кво является одним из ключевых инструментов понимания действительности, в таком случае сегодня мы вынуждены диагностировать серьезные проблемы с применимостью этого инструмента – в той его области, где для критики или

вопрошания о статус-кво требуется альтернативная по отношению к нему точка опоры¹ (хотя, разумеется, не любая критика нуждается в таковой).

Этой точкой опоры может выступать утопия. Иными словами, вопрос о кризисе утопии – это, в первую очередь, вопрос о кризисе в понимании существующей политики, позиционирующей себя в качестве внеутопической; неспособности разглядеть ее динамику и структурные проблемы, которые могут быть скрыты за внешней саморепрезентацией. Таким образом, **проблемой работы** является *ограниченность эвристического и критического потенциала политической теории, возникающая из-за концептуально неоднозначного и оспариваемого статуса понятия утопии в левой политической теории.* Под неоднозначным и оспариваемым статусом утопии имеется в виду не проблема отсутствия раз и навсегда зафиксированной и бесспорной дефиниции утопии, но тот факт, что ряд современных левых теоретиков – в первую очередь, испытавших влияние марксистской традиции, либо напрямую принадлежащих к ней – в принципе готовы отказаться от этого понятия, либо редуцировать его к практическим стратегиям борьбы (Callinikos, 2003; Срничек, Уильямс, 2019) или другим теоретическим концептам: субъекту (Хардт, Негри, 2006; Вирно, 2013), процедуре (Хабермас, 2008), структурным характеристикам политики (Mouffe, 2005), вследствие чего возможно исчезновение самого *пространства говорения* об утопии.

В таком случае, возникает **вопрос:** *как возможно присутствие политической утопии в рамках западного марксизма в настоящее время?* Аналитически этот вопрос может быть разделен на **две составляющих:** (1) *Каковы теоретические предпосылки оспариваемого статуса утопии в традиции западного марксизма?* (2) *Каковы сегодняшние концептуальные условия, препятствия и возможности для существования политической утопии западного марксизма?*

---

¹ См. в качестве примеров такой критики Бурдье, 1999; Джеймисон, 2011; Агамбен, 2011; Беньямин, 2012.

Отдельные авторы отождествляют с утопией политическую теорию как таковую (Lassman, 2003) или идентифицируют утопические предпосылки, лежащие в основании социологического мышления (Jacobsen, Tester, 2012). Более того, тема утопии выходит не только за пределы политической теории, вплоть до выделения *utopian studies* в отдельное дисциплинарное направление, но и за границы научного поля в принципе, фигурируя в качестве важного компонента ряда религиозных учений, произведений художественной культуры и продуктов публицистического дискурса. Исходя из этого, необходимо пояснить, что в данной работе речь идет об *утопии как политико-теоретическом концепте и одновременно явлении мира политики*², но не об утопии как одноименном жанре художественного произведения (см. Чаликова, 1994), понятии теории искусства (см. Гройс, 1993) и объекте исключительно методологических дискуссий (см. Вахштайн³, 2014) – при неизбежной тонкости данных **тематических границ работы**. Не рассматриваются также не-западные и до-модерновые предпосылки утопизма в новоевропейской западной мысли, поскольку они не образуют собой целостной традиции политико-теоретического мышления (см. Kumar, 2003).

Наконец, хотя на уровне проблематизации речь идет о современной левой мысли как таковой, избрать ее объектом диссертационного исследования представляется невозможным, во-первых, по причине невыполнимого объема такой задачи, а во-вторых, вследствие концептуальной и нормативной оспариваемости границ понятия «левые». Поэтому диссертация сосредоточена вокруг одного из центральных направлений современной левой мысли – *западном марксизме* (см. Merleau-Ponty, 1973; Kellner, 2005; Андерсон, 2016; Терборн, 2021). Данный выбор связан с

---

² Коль скоро в случае утопии «понятие неотлично от реальности, а онтология совпадает с репрезентацией» (Джеймисон, 2011).

³ Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

двойственной ролью марксистской традиции для понятия и теории утопии. С одной стороны, именно марксизм – точнее, его западная ветвь – оказался самым теоретически разработанным направлением левой мысли. С другой стороны, марксизм, во многом, оказался ответственен за проблемы в связи с утопией – как в теоретическом аспекте критики утопии самим Марксом, так и в своем центральном политическом опыте. Советский проект, открывший проблемный для утопических устремлений опыт ГУЛАГа, позиционировал себя именно как марксистский, несмотря на все дискуссии по этому поводу среди историков идей и политических теоретиков. Напротив, западная традиция возникла в отрыве от советского опыта и пошла по пути отделения теории от политической практики (Андерсон, 2016): западный марксизм – это традиция, порожденная трагическим для нее признанием и осмыслением *отсутствия революции* в странах Европы и США. Исходя из этого, я буду понимать под западным марксизмом не политическое движение, а *теоретическую традицию в европейской и американской философии, социологии и политической теории, основанную на интерпретации работ Карла Маркса и, в меньшей степени, Фридриха Энгельса, которая противопоставлена натурализму и сциентизму «научного марксизма» Второго и Третьего интернационалов, и выраженную в ограниченном наборе каноничных текстов с 1920-х годов по настоящее время, не проводя ее «верхней» хронологической границы по какому-либо конкретному событию вроде распада СССР или процессу вроде растворения старого рабочего класса в европейских обществах – что является границами объекта работы. Речь идет о *длящейся* традиции постольку, поскольку не преодолена или не снята породившая ее констелляция условий – наследования марксовому призыву к эмансипации при невозможности его буквальной реализации путем революции⁴.*

---

⁴ Таким образом, предлагаемое здесь понятие *западного марксизма* подчеркивает скорее сущностное единство традиции, в отличие от более распространенного в исследованиях последних десятилетий концепта *постмарксизма*, уже на уровне своей этимологии акцентирующего преодоление классического марксизма, хотя и в разной степени у разных авторов (см. об этом Павлов, 2021а; Павлов, 2021b).

В этом смысле современный кризис западного марксизма в контексте проблемы утопии соположен кризису *Современности* как таковой: исчезновение утопий есть общая проблема самосознания современного мира (Мангейм, 1994: 207-219). Современность (*modernity*) понимается здесь в философском смысле, как конституированная приблизительно с XV-XVI веков, эпохи Великих географических открытий, некоторыми общими характеристиками (например, дивергенцией субстанциального разума (Хабермас, 2005а)) и структурами (например, капиталом (Маркс, 1952; Нанси, 1991)) политико-культурная реальность, в которой, скажем, мы сегодняшние, Маркс и марксисты середины XX столетия являемся *современниками*. Именно в таком смысле во второй и третьей главах данной работы спекуляции по поводу утопии в марксистской традиции последних полутора столетий обсуждаются как одновременно причины и проявления *современного (modern)* кризиса политической утопии. В то же время, очевидно, что Современность каждый раз актуализирует себя в конкретной, существующей-на-данный-момент форме (*contemporaneity*), в которой по-новому отражаются ее базовые установки и противоречия (см. подробнее Капустин, 1998: 13-33). Поэтому в первой главе анализируются проекции философских установок Современности на темпоральные особенности сегодняшних (*contemporary*) западных обществ, а также особенности капитализма XXI столетия, служащие тем фоном, с которым затем соотносится рассмотрение традиции западного марксизма – такова **структура** предложенного исследования, исходящая из предположения, что только на пересечении этих двух координат «современного» может быть адекватно осмыслен упомянутый кризис утопии.

Сужая фокус внимания дальше, следует подчеркнуть, что современные марксистские дискуссии о кризисе утопии разворачиваются в условиях перманентных попыток оспаривания левыми консенсуса о переходе к *пост-идеологическому обществу*, с переменным успехом складывавшегося на протяжении второй половины XX века (Липсет, 2016; Bell, 1962; Fukuyama, 1989; de Berg, 2012). Параллельно утопические претензии левой и, в частности,

марксистской мысли, были подвергнуты нормативной критике Фридрихом фон Хайеком (Хайек, 2005), Карлом Поппером (Поппер, 1992) и Раймоном Ароном (Арон, 2015); чуть позже конструктивный потенциал утопического мышления неявным образом был также дезавуирован системной теорией в версии Никласа Лумана (см. Мюллер, 2013); в дальнейшем критика в адрес утопий была развита в эмпирическом исследовании утопических элементов в практиках тоталитарных режимов (Amis, 2002; Серенсен, 2014) и, шире, неудачных модернизационных проектов по всему миру (Скотт, 2005). Иными словами, возможность присутствия утопии оказалась подвергнута сомнению как на уровне сущего («утопии больше не существуют»), так и на уровне должного («утопии опасны и не должны существовать»).

В этой ситуации базовым теоретическим ходом становится обращение к анализу исторического материала западной марксистской традиции с целью прояснения ее отношения к утопии (Ойзерман, 2003; Geoghegan, 2008). В первую очередь, дебаты разворачиваются вокруг исходной точки – знаменитой критики Марксом и Энгельсом своих предшественников в лице утопических социалистов в «Манифесте Коммунистической партии» (Маркс, Энгельс, 1955d; интерпретации этой критики см. в Багатурия, 1972; Шацкий, 1990; Oizerman, 2001; Abensour, 2017; Fischbach, 2017). Другой реперной точкой становится критика влиятельного наследия Франкфуртской школы (Давыдов, 1977; Андерсон, 2016; Стюарт, 2018) и поиск путей преодоления сложившегося кризиса за счет обращения к иным ресурсам марксизма, например «философии надежды» Эрнста Блоха (Privatization of Hope, 2013). Подобные обращения к традиции также имеют целью и разрешение специфически современных проблем, например соотношения утопии и глобализации (Водолазов, 1975; Harvey, 2000), утопии и постмодернизма (Джеймисон, 2019). С другой стороны, важный вклад в изучение взаимодействия марксизма и утопии также вносят работы немарксистских авторов, посвященные более широкому академическому вопросу об истории развития утопии как таковой (Buber, 1958; Manuel, Manuel 1979; Kumar, 1987).

Иная возможность теоретизирования утопии сегодня связана с функциональным подходом, дистанцирующимся от *«проклятого вопроса»* (Джеймисон, 2011) о ее содержании, поскольку последнее является непосредственно политическим конструктом и всегда связано с тем, *из какой политической перспективы* совершается высказывание об утопии (о ведущей роли функционального подхода в современных исследованиях утопии см. Levitas, 2010). С точки зрения своей функции, утопия – это *трансцендентная по отношению к текущей реальности ориентация, которая одновременно не соответствует ей и подрывает ее, выражая в этом несоответствии скрытое напряжение самой реальности и заключая в себе преобразующую функцию* (Мангейм, 1994: 164; Turner, 2003), а также критику в адрес устоявшегося *«здорового смысла»* (см. Bauman, 1976: 65-69). Противоречие между реальностью и утопическим проектом является принципиальным (несводимым, например, к вопросу о технологических возможностях), но в то же время конкретно-историческим, поскольку конкретной, исторической является сама реальность (Мангейм, 1994: 167-174). Таким образом, трансцендентность утопии по отношению к реальности – это *имманентная трансцендентность*, то есть артикуляция доселе не актуализированных проявлений самой реальности; утопия отличается от социологически *«адекватного»* мышления о реальности тем, что *«обгоняет»* реальное положение дел (в то время как идеология, напротив, *«запаздывает»* за его ходом) (Мангейм, 1994: 85).

В этом пафосе преобразования состоит ключевое различие между *досовременными* (от Античности до начала эпохи революций в Европе) и *современными утопиями*: первые не претендуют на реализацию, находясь, таким образом, не только *«нигде»*, но и *«никогда»*; вторые, напротив, помещают образ идеального общества в (относительно) конкретное будущее, которое может быть приближено суммой действий реальных людей – их *«нигде»* оказывается темпорализованным, они невозможны *прямо сейчас*, а не в принципе. Терминологически эта развилка кодируется как различие

между «меланхолическими» и «ностальгическими» утопиями у Джудит Шкляр; между «абстрактными» и «конкретными» утопиями (утопиями в модусе «еще-не») у Эрнста Блоха; «утопиями» и «ухрониями» у Рейнхарта Козеллека (Shklar, 1965; Блох, 1997: 125-128; Koselleck, 2002: 87). С другой стороны, в последние три десятилетия все чаще артикулируется тезис об *уже победившей* утопии, в реальности которой мы живем сегодня – будь то утопия мирового капитализма (Жижек, 2011; Иглтон, 2012), сопутствующего ему либерализма (Розанвалон, 2007), преодоления сексуальной дифференциации (Бодрийяр, 2000) и т.д. – утопии, которая в момент триумфа оборачивается своим функциональным инвариантом – идеологией. Таким образом, функциональный подход позволяет увидеть не столько сугубо ментальный, сколько онтологический характер утопии, что является удачной позицией для теоретизирования политической утопии сегодня.

Равным образом, исчерпывающая дефиниция политики / политического сама по себе являлась бы политическим высказыванием, коль скоро вопрос о границах политического *является первым политическим вопросом* (Шмитт, 2000: 12). Вместе этого корректнее оговорить, что данная работа исходит из ***конфликтного подхода к пониманию политического***, который означает рассмотрение политического как логики взаимодействия между субъектами в модусе принципиального конфликта, то есть такого конфликта, который не может быть ни сведен к чисто техническому разрешению в экономической логике, ни подвергнут снятию через моральную универсализацию и который потенциально ставит под вопрос сами основания социального порядка (Mouffe, 2005: 8-34). Соответственно, говоря о «политической» утопии, я имею в виду необходимость ее теоретизирования как специфически политического способа мышления и действия, несводимого к чисто экономическим (или «технократическим») или этическим представлениям о том, как устроены или должны быть устроены социальные процессы.

Цель и задачи работы

С учетом обозначенных выше границ, **целью исследования** является выявление концептуальных условий (не)возможности политической утопии западного марксизма в настоящее время как содержания ее современного кризиса.

Для достижения данной цели предполагается выполнение **ряда задач**:

1. Раскрыть специфику темпоральных режимов модерна и постмодерна на предмет (не)возможности разворачивания в их рамках политических утопий.

2. Раскрыть специфику современной конфигурации капитализма на предмет (не)возможности разворачивания в ее рамках утопии западного марксизма.

3. Реконструировать контекст, причины и содержание критики утопии и имплицитных особенностей ее осмысления со стороны основоположников марксизма – Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

4. Реконструировать контекст, причины и основные проявления кризиса утопии в западном марксизме на примере Франкфуртской школы как «идеально-типического» представителя данной традиции.

Теоретико-методологические основания работы

Сложность в вопросе выработки методологических оснований теоретического исследования выходит далеко за рамки полемики политической теории с философией позитивизма (см. Horkheimer, 1972; Лукач, 2003). Как объясняет Исая Берлин, эта сложность связана с характером проблем, которые ставит перед собой политическая теория (Берлин, 2002). Во-первых, она занимается классом *философских проблем*, то есть проблем, которые не содержат в своей формулировке имплицитного указания на методы их решения. Исходя из этого, имеет смысл говорить не

столько о точно формализованных «методах», сколько о принципиально плюралистичных *подходах* в политической теории. Во-вторых, в обсуждении этих проблем политическая теория не ограничивается исключительно дескриптивным модусом, формулируя ценностные аргументы и используя для этого *нормативные понятия*, разногласия вокруг которых имеют фундаментальные основания в социальной онтологии спорящих сторон. Продолжая Берлина, можно добавить: будучи способной к производству критики или апологии статус-кво и конкретных политик, политическая теория сама начинает функционировать как явление мира политического.

В наиболее явном виде эти философские интуиции находят свое методологическое выражение в **проекте концептуальной истории** (*истории идей, Begriffsgeschichte*) Рейнхарта Козеллека, предлагающего обратиться не к чистой «истории духа», но к истории понятий в сменяющихся социальных контекстах. Для этого предлагается комбинированный метод: изучение употребления понятий в конкретных временных контекстах (*синхронный анализ*) и дальнейшее выделение общих значений понятий путем их отделения от данных контекстов (*диахронный анализ*) (Koselleck, 2004: 81-89). На протяжении современной истории (особенно в период «седловинного времени» (*die Sattelzeit*), датируемый приблизительно 1750-1850 годами) многие социальные и политические понятия меняют свое значение в ходе «борьбы идей» друг с другом в связи с противостоянием разных социальных и политических практик, подвергаясь одновременно демократизации, темпорализации, идеологизации и политизации (Козеллек, 2014: 27-31). Так конкретные социальные ситуации становятся «полем борьбы» уже существующих и возникающих внутри них концептов. Вместе с тем, не только контекст влияет на содержание понятий, но и понятия трансформируют контекст Современности. В социальных конфликтах понятия выступают *одновременно* как объекты и орудия интеллектуальной борьбы, они могут реинтерпретироваться и «присваиваться» победившей стороной, а также могут переопределять образ сторон в глазах самих себя и друг друга. В этом

смысле метод концептуальной истории подобен маятнику, который снимает традиционную оппозицию предметов истории идей и социальной истории (Козеллек, 2014: 39). Осознание данного напряжения позволяет в каждом случае рефлексировать границы *пространства (прошлого) опыта*, определяющего понятие, а также оценивать его *горизонт ожиданий*, связывая, тем самым, воедино прошлое, настоящее и будущее одного понятия (Koselleck, 2004: 89-90; 255-276)⁵.

Объектом приложения концептуальной истории выступают *основные исторические понятия (Geschichtliche Grundbegriffe)*, «использование которых способствует осмыслению структур и важнейших связей событий» (Козеллек, 2014: 24). Концепт утопии может быть признан таковым, поскольку отвечает, как минимум, трем из шести возможных вариантов таких понятий: это понятие, относящееся к государственному строю; относящееся к политическому, экономическому и общественному устройству; а также претендующее на теоретическую роль в идеологиях – роль структурирования и интерпретации человеческой деятельности (Козеллек, 2014: 24). В работе используется понимание утопии как *темпорализованного концепта* или *концепта движения (Bewegungsbegriff)*, то есть такого, который является не просто описанием некоего состояния («республика»), но включает также оттенок его ожидания, движения к нему и интеграции ради этого движения («республиканизм») (Козеллек, 2014: 28-29). Такое понимание также предполагает отношение к утопии как к категории из *горизонта ожиданий*, несводимого в полной мере к уже имеющемуся *пространству опыта*. Нововременные утопии, по наблюдению Козеллека, всегда перенесены в ближайшее или отдаленное будущее и, в силу темпоральной удаленности, уже не могут быть схвачены в фокусе существующего опыта (Koselleck, 2002: 87)

---

⁵ Безусловно, именно стратегия сочетания концептуальной и социальной истории является наиболее действенной для раскрытия причин современного кризиса утопии и отслеживания политических последствий этого кризиса. Однако в полном объеме такое исследование может быть реализовано только большим коллективом специалистов с соответствующей политико-теоретической и исторической квалификацией (как это произошло в случае «Словаря основных исторических понятий» Козеллека и его коллег). Поэтому данная работа концентрируется на «идейном», теоретическом полюсе этого маятникового движения, лишь внешним образом апеллируя к его корреляту в виде истории социальных практик.

С учетом того, что некоторые авторы могли не обращаться к теме утопии целенаправленно, рассматривая ее в более широком комплексе проблем или используя «от противного», подход Козеллека предписывает также рассматривать понятия, которые являются *параллельными* изучаемому понятию (то есть включают схожее содержание, но в форме иного означающего), либо *асимметрично противоположными* ему (то есть встающими к нему в оппозицию, но не равную, а с очевидным нормативным или онтологическим перевесом в устах своих носителей, позволяющим отрицать противоположный концепт) (Koselleck, 2004: 155-191; Козеллек, 2004: 110-113). Такие концептуальные замены и оппозиции, происходящие зачастую по конкретным историческим причинам, также включены в фокус внимания в данной работе. Таким образом, в качестве составных элементов подхода концептуальной истории в работе также используются **сравнительный метод** и **герменевтический метод**. Сравнение, как видно из исследований самого Козеллека и его коллег (см., например, Козеллек, 2004: 111-114; Гюнтер и др., 2014), является неотъемлемой частью работы с понятиями: сопоставляя между собой разные понятия, исследователь может показать границы их применимости относительно друг друга и акцентировать внимание на том, по каким причинам в конкретных контекстах происходит замена одного концепта на другой, внешне с ним схожий. Одновременно и само понятие каждый раз заново интерпретируется в разных лингвистических и социальных контекстах с учетом его функции и расположения в тексте, авторских оценок в отношении него, уникальных смысловых оттенков, возникающих в сочетаниях с другими понятиями, в силу чего обогащается общее понимание значения исследуемого понятия (о влиянии герменевтической проблематики Гадамера на подход Козеллека см. Tribe, 2004: XVI-XVII).

Научный вклад исследования в развитие предметного поля

1. Рассмотрение проблемы с использованием методов концептуальной истории позволяет не только понять теоретические ходы представителей западного марксизма «по существу», но и проанализировать их складывание в конкретных контекстах конфликтов с другими концептами.

2. Совмещение анализа теоретических предпосылок, внутренних для традиции западного марксизма, с анализом специфически современных внешних условий предоставляет возможность указать на ограничения и трансформации классических аргументов в сегодняшних реалиях (например, на необходимость обновления классических *радикальных требований*).

3. Включение в исследование утопии западного марксизма смежных концептов и теоретических аргументов (например, «мессианского времени») позволяет более четко очертить границы понятия утопии и предложить ее новое определение, дополняющее классическую функциональную концептуализацию утопии Карла Мангейма.

Положения, выносимые на защиту

1. В темпоральном режиме модерна – в отличие от постмодерна – концептуально возможно разворачивание утопии как политического проекта благодаря принципиальной открытости модерна качественным трансформациям, но в то же время другие конститутивные характеристики модерна (стремление к самозакрытию, перманентное самообновление и колонизация времени) проблематизируют возможности утопического мышления.

2. В контексте неолиберальной трансформации капитализма на рубеже 1970-1980-х годов труд и капитал претерпели ряд изменений (развитие прекарного и когнитивного труда, финансиализация и глобализация капитала), сделавших нерелевантными классические утопии левых,

ориентированные преимущественно на индустриальный рабочий класс и его политико-экономические требования. Минимальными, но не исчерпывающими условиями возможности для функционирования в социальной реальности новых утопий являются соотнесение ими себя с разными – капиталистическими и некапиталистическими – способами глобализации (в отличие от классических, локально замкнутых утопий), а также с имплицитным утопизмом «гарантированного экономического роста», свойственным самому современному капитализму.

3. Соответствующий неолиберальной конфигурации капитализма биополитический модус управления в современных западных обществах проблематизирует возможности утопического мышления за рамками статус-кво в силу того, что биополитика производит собственного субъекта, замещающего возможный субъект политических изменений; отрицает политику как поле контингентного выбора альтернатив общественного развития под предлогом обеспечения безопасности и комфорта произведенного субъекта – тем самым полагая предел нормативному, в том числе утопическому, мышлению о политике; включает в себя критику власти как собственную технологию управления.

4. Критика Марксом и Энгельсом *определенного типа* утопий (статичных, трансцендентных относительно наличной действительности и при этом недостаточно радикальных по отношению к ней) возникает и воспроизводится в конкретных контекстах полемики с другими направлениями социалистической мысли и, таким образом, выступает в качестве риторического оружия для усиления собственных позиций основоположников марксизма. В дальнейшем различие «утопического» и «научного» коммунизма не критически воспроизводится в политических и исследовательских текстах в ранге сущностной критики *любых утопий* с игнорированием как фактора контекста, так и текстуальных нюансов аргументации Маркса и Энгельса.

5. Скрытый утопизм в мышлении Маркса и Энгельса раскрывается через концепты радикального требования, абсолютной негативности и трансцендирующего статус-кво сообщества. *Радикальное требование* – это требование конкретного изменения, которое по цепочке логических взаимосвязей влечет при своем выполнении переустройство всего социального мира. Онтологической инстанцией этого требования является оказывается *абсолютная негативность* – социальная группа, в своем существовании выражающая все формы нужды, которые принципиально не могут быть удовлетворены для нее в данной конфигурации социального бытия. Собираясь ради переустройства статус-кво, члены этой группы образуют *сообщество*, в котором перестают быть друг для друга воплощениями реальных абстракций труда или капитала, что *ipso facto* означает трансцендирование статус-кво капитализма.

6. Кризис утопии в западном марксизме в рамках Франкфуртской школы проявляется в том, что признание одновременно тотальности статус-кво и имманентности позиции критика в нем приводит представителей школы (Адорно и Хоркхаймера, Маркузе, Беньямина) соответственно к трем возможным установкам с точки зрения утопизма: отрицающей чистой критики без утопии; «не называемого по имени» утопизма; альтернативного утопии мессианического способа мыслить и (без)действовать.

7. Утопия определена как негарантированное, но обязывающее обещание благой жизни, невозможной в настоящем по принципиальным, но конкретно-историческим причинам, *ergo* функционально означающее «подрыв» конкретно-исторического статус-кво.

Апробация результатов исследования

1. IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы». Доклад: «Постмодерн как (не) время для утопии». РАПН, Москва. 2021.

2. Научный семинар Аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ. Доклад: «Современная конфигурация капитализма как условие и проблема для политической утопии западного марксизма». НИУ ВШЭ, Москва. 2022.

Список публикаций

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Иншаков И.А. Современность как время для утопии // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2022. № 1(104). С. 7-23.

2. Иншаков И.А. Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса // *Политическая наука*. 2023. № 3. (принято в печать)

3. Иншаков И.А. Концепция мессианского времени у Вальтера Беньямина и ее политические импликации // *Социологическое обозрение*. 2023. Т. 22. № 1. С. 29-47.

Сжатое изложение содержания и результатов исследования

В первой главе анализируется сегодняшний контекст западных обществ для определения (не)возможности концептуального разворачивания в нем утопических проектов. Для этого сопоставляются между собой два конкурирующих (само)описания этих обществ с точки зрения их темпоральных параметров – описания в качестве современных /модерновых) и постсовременных (постмодерновых). Демонстрируется, что язык описания постмодерна блокирует концептуальные возможности разворачивания утопии в силу своего недоверия производству истин о мире, на которое притязают утопии, отказа от метанарративов и принципиальной роли иронического отстранения. В свою очередь, темпоральный режим модерна оказывается возможным, но проблематичным контекстом для утопического мышления в

силу свойственных ему диалектики открытости истории и стремления к самозакрытию, перманентного самообновления, контрарного утопии как проекту конкретного радикального изменения, и колонизации времени субъектов, живущих в современных обществах.

Схожая амбивалентность выявляется при анализе западных обществ с политико-экономической точки зрения: внутренние противоречия капитализма в его современной конфигурации усиливают запрос на левую утопию, однако его усложненная структура (финансиализация, глобализация, прекарный и когнитивный труд) делает нерелевантными классические утопические конструкции левых. Наконец, биополитический режим управления как «заботы о подвластных» проблематизирует и существование субъекта политического действия, и возможность предлагать альтернативную позитивную программу политического устройства общества. С данным проблемным контекстом соотносятся эксплицируемые далее теоретические аргументы по поводу утопии в рамках западного марксизма.

Во второй главе решается, в первую очередь, задача контекстуализации знаменитой критики Маркса и Энгельса в отношении утопистов: показано, что понятие утопии выполняет роль наступательного оружия в политической риторике для укрепления, на контрасте, собственной политической и философской позиции в борьбе за сторонников. Далее оппозиция утопизма / марксизма, как она задана Марксом и Энгельсом, интерпретируется с содержательной стороны: как оппозиция статичного / динамичного и трансцендентного / имманентного. В таких измерениях марксистская критика утопии оказывается критикой не утопий как таковых, но *конкретного типа утопий*, согласуясь с общим акцентом современной левой политической мысли на имманентности и динамичности мышления.

Более того, на место эксплицитных позитивных описаний коммунизма из ранних работ Маркса и Энгельса, которые – описания – действительно быстро «сходят на нет», приходят скрытые утопические ходы мышления. Во-первых, это *радикальное требование* – требование, которое по цепочке

логических взаимосвязей влечет при своем выполнении переустройство всего социального мира (что и является *differentia specifica* утопической критики с функциональной точки зрения). У «молодого» Маркса в роли такого требования выступает требование отмены религии, у «зрелого» Маркса – отмены прибавочного рабочего времени. Онтологической инстанцией этого требования является *абсолютная негативность* – социальная группа, в своем существовании выражающая все формы нужды, которые принципиально не могут быть удовлетворены для нее в данной конфигурации социального бытия. Во-вторых, это *самоценность сообщества*, которое самой практикой своего объединения и совместного бытования ради переустройства статус-кво трансцендирует это статус-кво, вне зависимости от формального достижения заявленной цели. Так кооперирующиеся ради своей эмансипации рабочие в процессе этой кооперации перестают быть друг для друга персонификациями реальной абстракции труда, что, среди прочего, и является целью коммунистического политического действия.

В третьей главе раскрывается набор конфликтов вокруг понятия утопии среди теоретиков Франкфуртской школы – ведущего направления западного марксизма, – к середине XX столетия столкнувшихся с комбинацией исторической *непредзаданности* коммунизма после коллапса марковского закона «абсолютного обнищания пролетариата», социальной *тотальности* критикуемого статус-кво и философской *имманентности* собственной позиции критика в отношении этого статус-кво. Признание подобной, чрезвычайно сложной для утопического мышления позиции приводит к одной из трех возможных установок (вероятно, не единственных, но тех, что реально проявились в философии и жизни «франкфуртцев»).

Это позиция отрицающей чистой критики (Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно) – критики, которая, в отличие от кантовской, еще претендует на нормативное осуждение и отрицание статус-кво, но уже не стремится к выработке политической альтернативы или программы политических действий по его переустройству. Это позиция сохраняющегося, хотя и не

«называемого по имени» утопизма (Герберт Маркузе) – утопизма вопреки собственной проблематичной онтологической позиции теоретика, утопизма, который проявляется в готовности «сделать ставку», то есть совершить ради утопического обещания благой жизни политическое действие в условиях негарантированности успеха последнего. Наконец, это позиция мессианического активного ожидания (Вальтер Беньямин), представляющая политическую стратегию не-деяния и «параллельный» утопизму нормативный пафос, поскольку радикальная открытость горизонта мессианического мышления, с одной стороны, не может быть редуцирована ни к какому конкретному политическому проекту (*conditio sine qua non* утопии), а с другой – позволяет удерживать горизонт будущего незакрытым перед лицом победившей гегемонии и, тем самым, одновременно и сохранять надежду на качественное преобразование, и видеть угрозы такового от антагонистических политических сил.

В заключении обобщается разработанная в ходе исследования концептуализация утопии как *негарантированного, но обязывающего обещания благой жизни*, невозможной в настоящем по принципиальным, но конкретно-историческим причинам и потому функционально означающей «подрыв» данного конкретно-исторического статус-кво.